

- Ик... Ах, как же вкусно, я наелся до отвала! — только когда Ван Сюн отложил палочки, А-Чэн бросил взгляд на стол и остолбенел: Боже правый, господин даже соус с рисом вымокал дочиста, тарелки сияют так, будто их только что вымыли!

Господин... Он и вправду съел всё подчистую, не оставил даже крошки.

Глык! А-Чэн с силой сглотнул слюну. Зная, насколько придирчив его господин в еде, он был уверен, что хотя бы половина останется. И что теперь? У него живот скручивает от желания поесть!

Звук сглатывания вывел Ван Сюна из задумчивости. Увидев перед собой четыре опустевшие тарелки, он густо покраснел от стыда.

- Кхм, эм... Ну, я просто слишком проголодался. И потом, ты посмотри — в этом заведении порции какие-то куцые, совершенно невыгодно, — Ван Сюн прикрыл рот кулаком, делая вид, что ничего особенного, но лицо его пылало, как жаровня. — Сейчас пойдёшь к хозяину, закажи, что хочешь, ещё пару блюд — я угощаю. Только когда вернёмся... кх-кх, не болтай лишнего.

Он разрешил заказать! А-Чэн едва сдержался, чтобы не подпрыгнуть от радости:

- Есть, господин! Я ж говорил, у этой лавки вкус-то вполне приличный, вот только порции — смех один. Где тут наесться после такого пути? Я сейчас же отнесу тарелки на кухню.

Тан Шоу готовил те же четыре блюда и для Сюн Чжуаншаня. Как-то раз он уже делал для него гобаожоу, и с того самого дня Сюн Чжуаншань влюбился в этот вкус. Как только вернулся и учуял на кухне знакомый аромат, сразу же потребовал поесть, и Тан Шоу, не задумываясь, приготовил немного больше. А уж аппетит у Сюн Чжуаншаня — съесть за четверых ему ничего не стоит. Тан Шоу всегда думал, что еды должно хватить с избытком, но каждый раз Сюн Чжуаншань ухитрялся втиснуть в себя всё до последнего кусочка. Пока что Тан Шоу считал самым удобным в жизни с Сюн Чжуаншанем то, что с ним не приходится ломать голову, кому доедать остатки. Потому что остатков просто не бывает.

- Хозяин, я вот ещё не ел... Могли бы вы приготовить два блюда — гобаожоу и свинину в кисло-сладком соусе? Этого будет достаточно.

Глядя на сверкающие тарелки у него в руках, Тан Шоу понял без слов — о том, вкусно было или нет, можно и не спрашивать: если после этого он ещё скажет, что не наелся, придётся демонстрировать фокус с проглатыванием тарелки целиком.

- Хорошо, без проблем, цена та же, — отозвался он.

- Естественно, вы не беспокойтесь — за этот ужин платит наш господин. Сам бы я в жизни не

позволил себе такую вкуснятину.

Разумеется, если клиент платит, грех не заработать. Всего-то два блюда — развёл огонь, и дело пошло. А-Чэн, как слуга, не привередничал: как только еду приготовили, он тут же принялся есть за деревянным столом прямо на кухне.

Боже правый, А-Чэн и не мечтал отведать нечто подобное — такую пищу, словно сошедшую с небес, и теперь он мог с уверенностью сказать, что жизнь его была прожита не зря.

Поев, Тан Шоу занёс в гостевую комнату охапку дров и развёл огонь. Ван Сюн уселся у очага, немного помолчал, а потом, обдумав всё как следует, наконец сказал:

- Вот, я подумал... Всё-таки вы, хозяин, были правы. В такую метель ездить туда-сюда и правда слишком опасно — если что случится в дороге, беды не оберёшься. Придётся на ночь остаться у вас.

Тан Шоу с улыбкой ответил:

- Ничего страшного, лишь бы вам у нас было удобно.

- Нет-нет, всё хорошо. А... мы и вечером гобаожоу поедим?

Ай, вот и проговорился! Ужас, если кто-нибудь узнает, что глава дома Ван, которому уже за пятьдесят, мечтает о еде как нищий, который впервые в жизни попробовал что-то вкусное — ну и куда тогда деть это старое лицо?

- Что особенного есть одно и то же? Вы только подождите — к вечеру будет ещё вкуснее, — с усмешкой пообещал Тан Шоу.

Ван Сюн и рад бы перемотать время вперёд, чтобы миновать скучные часы после полудня и сразу оказаться за ужином — ему не терпелось увидеть, какое ещё божественное блюдо может приготовить фулан этого мрачного мужика Сюна, способное превзойти гобаожоу.

Однако ужин Тан Шоу приготовил куда проще. Учитывая, что в обед Ван Сюн наелся до отвала, если бы вечером снова подали жирное мясо и сытные блюда, вряд ли он смог бы съесть хоть что-то, поэтому Тан Шоу остановился на лапше.

Тем не менее, эту лапшу он готовил не абы как — бульон для неё начал вариться сразу после обеда. К вечеру навар стал густым и насыщенным, молочно-белого цвета. В него он опустил ровную, одинаковой толщины лапшу, которую нужно было всего пару раз перемешать — и она уже сварена. Сверху полил ложку огненно-красного масла с кизилом, посыпал мелко нарезанным зелёным луком, добавил несколько тонких ломтиков тушёной говядины, половинку варёного яйца, пару листьев пекинской капусты — и вот, чашка ароматной лапши с

говядиной была готова.

В эпоху Юй говядина считалась дешёвым мясом, а баранина — дорогим. Для знатных семейств было признаком престижа есть именно баранину, тогда как простые люди довольствовались говядиной или свиной. Но Тан Шоу, пришедший из будущего, прекрасно знал, насколько вкусной может быть правильно приготовленная говядина. Хорошая чашка лапши с говядиной могла заставить человека грезить ею день и ночь. Тан Шоу нарочно не стал говорить, что использовал говядину, а Ван Сюн и не подумал спросить. С первого взгляда — обычная лапша, в придачу с солёной закуской из редьки, и Ван Сюн даже немного обиделся: выходит, он полдня ждал, пожертвовал своим комфортом, остался ночевать в этом промерзшем до костей убогом месте — и всё ради какой-то там лапши?

Но стоило попробовать хоть одну ложку — и он моментально получил оплеуху от реальности: вкусно. Вкусно. Безумно вкусно! Как хорошо, что он всё-таки остался — не зря! Недаром это кулинарное мастерство восходит к дворцовым традициям: даже простую лапшу можно сделать настолько вкусной — вот кто по-настоящему умеет наслаждаться жизнью, так это знатные люди!

- Хозяин, у вас тут, случайно, не найдётся свежей веточки ивы? Наш господин велел мне зайти и взять одну — он по вечерам обязательно чистит зубы, иначе заснуть не может.

Никто и не ожидал, что придётся заночевать в крестьянском доме, так что ивовую ветку с собой не взяли. Интересно, найдётся ли такое у деревенских? Говорят, крестьяне и соль-то не всегда могут себе позволить, уж неужели тратят её на чистку зубов?

Тан Шоу ответил:

- Вы про ивовую ветку? В моём доме такого нет.

- А что, вы, получается, совсем зубы не чистите?! — воскликнул А-Чэн и тут же прикрыл рот рукой, будто уже почувствовал зловоние. Фу, как же это грязно!

Тан Шоу высоко вскинул подбородок с видом человека, стоящего выше остальных:

- Это ты зубы не чистишь! Мы не используем ивовые ветки не потому, что не чистим зубы, а потому что ваш господин уж слишком нищ. Всё ещё чистит зубы ивовой веткой да солёной пастой — да разве этим можно вычистить? Вот уж действительно грязно!

- Что? Не чистить зубы ивовой веткой — а чем же тогда чистить? — удивлённо переспросил А-Чэн, но в ту же секунду опомнился и резко замотал головой: — Нет-нет-нет! Наш господин совсем не грязнуля! Он чистит зубы дважды в день, а после еды ещё и полощет рот! Он вовсе не грязный!

Дом у семьи Сюн был совсем небольшой, так что шумные выкрики А-Чэна быстро вывели Ван Сюна наружу. Их разговор он услышал от начала до конца — и теперь уже не смел смотреть свысока на этот деревенский дом. Люди, оказавшиеся за пределами дворца, но некогда принадлежавшие к придворной среде, видели настоящую роскошь. Вполне возможно, что вся его мнимая знатность в их глазах не стоит и ломаного гроша, а он сам — не более чем клоун.

Ван Сюн с почтением сказал:

- Слуга мой невежествен, прошу хозяина не держать зла. Однако позвольте спросить: раз вы не используете ивовые ветки, то чем же тогда чистите зубы? Наше знание скромно, будем признательны, если просветите.

Раз уж он и так собирался продать это средство, не рассказать было бы глупо. Две трапезы — всё это ради сегодняшнего «забоя быка»...

Тан Шоу достал щётку для чистки зубов и зубной порошок — самую дорогую разновидность.

- Вот, посмотрите, мы обычно пользуемся этим. Это называется "щётка для зубов", а это — "зубное благовоние". Намочить её, нанести немного порошка и чистить зубы — только тогда будет по-настоящему чисто, — сказал Тан Шоу, демонстративно обнажив ослепительно белые зубы, словно сошедшие с рекламы зубной пасты — у Ван Сюна аж в глазах зарябило.

Такого Ван Сюн ещё никогда не видел. Поднёс к носу — и вправду пахнет приятно.

- После того как почистишь зубы этим порошком, изо рта идёт благоухание, дыхание свежее, никакого запаха. А главное — он защищает зубы, предохраняет от порчи. Если использовать постоянно, то и в восемьдесят лет зубы будут крепкие, а аппетит — как в молодости.

Конечно, звучит как рекламное преувеличение, но зубная паста действительно была полезной вещью для ухода за полостью рта.

Ван Сюна захлестнули мысли: если одного только торта окажется недостаточно, чтобы привлечь внимание госпожи главного дома Ван в столице, то как насчёт добавить к нему это самое зубное благовоние? Два диковинных предмета, невиданных доселе — он просто не верил, что хотя бы один из них не заинтересует главу семьи.

- Позволит ли хозяин узнать, есть ли у вас в наличии немного этих двух вещей, и нельзя ли передать мне немного? — спросил он вежливо.

- Передать-то можно, — ответил Тан Шоу, — только вот зубное благовоние — вещь дорогая. И это, действительно, стоящее средство, ни один из ингредиентов не дешёвый.

На это Ван Сюн, напротив, с облегчением выдохнул — если бы вещь оказалась дешёвой, ему

даже было бы неудобно её дарить.

- Та, что у вас в руках, называется «Хэ ци жу лань» — «Дыхание, подобное орхидее». Самая дорогая. Маленькая коробочка стоит четыре лян серебра, — сказал Тан Шоу и, повернувшись, достал с прилавка, сделанного несколькими днями ранее Сюн Чжуаньшанем, ещё две коробочки. — Вот эта называется "Цзюньцзы" — "Благородный муж", стоит три лян. А последняя — "Циньсинь", "Свежесть", — всего лишь пятьсот взней.

Для знатных родов три-четыре лян — не деньги, можно сказать, сущие пустяки. Но всё же стоило взглянуть на сам предмет — такая крошечная баночка, а цена выше, чем у двухъярусного торта на четырнадцать дюймов, причём на целый лян серебра.

Но и принимать все знатные семьи за простаков, которых легко обвести вокруг пальца, было бы ошибкой. Да, они не скупятся на траты, но тем более чётко понимают, стоит ли вещь своих денег. Ван Сюн наклонился, понюхал зубной порошок: запах был насыщенным, но не резким — сразу стало ясно, что использованы добротные благовония. Ароматические вещества стоят дорого, а значит, и себестоимость высока — дешёвым такое средство быть просто не может. Маленькой коробочки хватает на месяц, и те три-четыре лян серебра — это вовсе не копейки.

- Не знает ли хозяин, сколько у него осталось? — спросил он.

- Не скрою, — ответил Тан Шоу, — из-за дорогих ингредиентов всего удалось сделать только двадцать коробочек. Одну уже используем мы с моим супругом, осталось девятнадцать. Из них "Цзюньцзы" — три коробки, "Хэ ци жу лань" — шесть, "Циньсинь" — десять.

- "Цзюньцзы" и "Хэ ци жу лань" мало, а "Циньсинь" слишком дёшево. Ладно, беру всё, — сказал Ван Сюн.

Недаром он глава семьи — с собой у него оказалась внушительная сумма наличных, и он выложил тридцать восемь лян серебра, даже не моргнув глазом.

Глаза Тан Шоу сияли, словно серп луны, а голос его стал ласковой песни.

- Господин Ван, если впредь вам что-нибудь понадобится — непременно приходите, для вас у меня всегда будет особая цена.

Ван Сюн и не думал, что его обвели вокруг пальца — наоборот, кивнул с одобрением и пошёл чистить зубы. Разумеется, он выбрал самую дорогую "Хэ ци жу лань" — с лучшими компонентами. Щетина на щётке оказалась удивительно мягкой, при чистке не травмировала дёсен, как ивовая веточка, а крошечное количество зубного порошка моментально наполнило рот свежестью. Будто старая, изъеденная блохами одежда вдруг стала чистой и новой — всё ощущалось совсем иначе.

Стоило ему только взглянуть на это средство — он уже знал, что зубной порошок действительно хорош. А после того, как попробовал — ещё сильнее утвердился в мысли, что эти сорок лян серебра он потратил вовсе не зря.

Глаза Ван Сюна буквально засветились, когда он уставился на щётку и зубной порошок. Для богатых семей уход за внешностью и чистота — наивысший приоритет. Без малейшего преувеличения: голову можно сложить, кровь пролить — но неряшливость допустить нельзя. Если у какого-нибудь юного господина из семьи не будет должного вида, даже крошечное пятно на одежде способно сделать его посмешищем всей столицы, а дома он вполне может лишиться из-за этого каких-то возможностей.

Такое сокровище, если преподнести его в дар основной ветви семьи Ван в столице, — Ван Сюн почти наверняка знал, какой переполох вызовет одна-единственная маленькая коробочка зубного порошка в доме Ван, а то и во всём столичном городе.

- А-Чэн, ты аккуратно упакуй все эти зубные порошки. Даже “Циньсинь” не смей уронить или просыпать!

- Есть, господин, не беспокойтесь, — А-Чэн с удивлёнными глазами уставился на Ван Сюна. — Господин, у вас изо рта такой приятный аромат — даже когда говорите, от вас несёт чистой свежести!

- Правда? — Ван Сюн поднял ладонь, поднёс к лицу и подул. В нос тотчас ударил нежный благоухающий запах. Он расхохотался от радости, - Иди, возьми себе одну коробочку “Циньсинь” — награда тебе!

- Благодарю господина! — А-Чэн радостно побежал. Хоть “Циньсинь” и самый дешёвый среди зубных порошков, но одна коробочка стоила пятьсот вэнь, а вся его месячная плата составляла лишь около восьмисот.

Сияющие, пухленькие серебряные слитки — Тан Шоу всё смотрел на них и радовался, всё больше и больше. Он уже потянулся, чтобы взять один и попробовать на зуб, но тут же Сюн Чжуаньшань выхватил его из рук.

- Грязные! — проворчал Сюн Чжуаньшань, и круглый пузатенький серебряный слиток тут же исчез в его кармане. Один за другим, не моргнув глазом, он спрятал все серебряные ляны, пока Тан Шоу с вытаращенными глазами наблюдал за происходящим, чуть не лишившись дара речи.

Всё серебро он сложил в деревянную шкатулку. Та была грубой, сразу было видно — крестьянская работа, сделанная наспех, но в то же время не особо походила на изделия самого Сюн Чжуаньшаня. Хотя он и выглядел грубым мужиком, всё, что Тан Шоу просил его изготовить, он делал с удивительной тщательностью. Взять хотя бы зубную щётку: ручка у неё была выточена Сюн Чжуаньшанем до такой степени гладкости, что ни одна щепка не кололась в пальцы.

Просто Тан Шоу подзабыл, какой жизнью раньше жил Сюн Чжуаньшань. Нарезав мясо, он едва дважды шлёпнет по доске, куски выходят размером с ладонь, затем обдаст кипятком пару раз — и, даже если мясо всё ещё в крови, тут же ест. Кто не знает, мог бы и вправду подумать, что перед ними медведь, обернувшийся человеком. Судя по этому, шкатулка вполне могла быть его рук делом — как раз в его духе.

А Сюн Чжуаньшань, заметив, как его маленький фулан надул губы и пристально, не мигая, уставился на него — точнее, на шкатулку в его руках — сразу повеселел. Вот так и должно быть: у его маленького фулана в глазах должен быть только он, его единственный муж.

Деревянную шкатулку Сюн Чжуаньшань прижал к груди и унес куда-то — Тан Шоу и не стал интересоваться, где он её спрятал. Когда он вернулся, его маленький фулан, неведомо как успевший сам себя утешить, снова сиял от счастья, в глазах сверкал радостный блеск.

- Муж, хорошие дни к нам пришли!

- О?

- Подумай сам: завтра Ван Сюн отправляется в столицу. Он всеми силами старается угодить семье Ван, а щётка с зубным порошком — это новинка, отличная вещь. Такие средства — символ чистоты, в них использованы отборные материалы, а значит, они прекрасно подойдут для подношения. Кроме того, оставят у семьи Ван впечатление, будто он человек аккуратный, любящий чистоту. А семья Ван — это кто? Люди такого положения, как только получают хорошую вещь, обязательно станут её демонстрировать. Скоро вся столица узнает, что у семьи Ван появилась удивительная новинка для чистки зубов, которая называется “щётка” и “зубное благовоние”. Стоит только поинтересоваться, — и все узнают, что пошло это из деревни Синьхуа в Юйлине. Пройдёт всего несколько дней — и из столицы хлынет поток торговцев за товаром. А столица — это ориентир для всей империи. Если там начнут пользоваться — вся страна рано или поздно подхватит.

Сюн Чжуаньшань не был глупцом, да и Тан Шоу объяснил всё предельно ясно:

- Значит, завтра отправимся в Юйлинь и купим ещё благовоний. Всё серебро на это пустим или часть оставим?

- Оставим начальный капитал, остальное — на благовония.

- Хорошо. Завтра я пойду, попрошу быка с телегой. Поедем сами, чтобы никто чужой не совал нос и не вынюхивал.

- Отлично, так и сделаем.

Вдруг Тан Шоу сказал:

- Кстати, больше нам так вслепую работать нельзя — ни торговой марки, ни знака. Надо придумать название. Так, чтобы, услышав его, все знали — это именно наш товар. А то вдруг кто-то чужой воспользуется нашей маркой, и в итоге подделка будет носить наше имя.

- Хорошо, всё как ты скажешь. А ты уже придумал имя?

- Имя? — Тан Шоу прищурился, провёл пальцами по подбородку и тихо произнёс: — Назовём Таохуаянь — “Обитель цветущих персиков”.

В «Записках о цветущем источнике» Тао Юаньмина рассказывалось о человеке, что случайно забрёл в уединённую местность, где мужчины пахали, женщины ткали, всюду слышались звуки собак и кур, а люди жили в покое и радости, были гостеприимны и даже не ведали, какое ныне время и в каком году они живут. А выйдя оттуда, странник больше никогда не смог найти эту деревню. Не является ли эта империя Юй, что не существует в истории Поднебесной, или же деревня Синьхуа в уезде Юйлинь для Тан Шоу таким же таинственным, скрытым от мира Таохуаянем?

Задумавшись, Тан Шоу словно выпал из реальности — его взгляд постепенно затуманился, будто он увидел нечто далёкое, ускользающее. Он словно становился прозрачным, готовым в любой момент раствориться в воздухе, как если бы всё происходящее было лишь сном, и по пробуждении от него не останется ни следа. Эта внезапная перемена до глубины души испугала Сюн Чжуаньшаня — он не мог позволить ему исчезнуть, не мог потерять его. Он не позволит. Этот человек — его фулан, его супруг, при жизни принадлежит ему, и в смерти — тоже.

Рывком опрокинутый сильной рукой, Тан Шоу даже не испугался — он уже привык. Грубый мужик есть грубый мужик, не стоит ждать от него вежливых, изысканных жестов под маской благородства. Если раньше Тан Шоу терялся, то теперь давно уже привык и даже умел сам устроиться поудобнее, свернувшись так, чтобы можно было продолжать говорить.

Тан Шоу и не догадывался, что только что его выражение лица напугало Сюн Чжуаньшаня до паники. Он просто решил, что у того опять приключился очередной всплеск неуравновешенного настроения, и потому продолжал:

- Завтра спросим у учёного Ся, как правильно пишется Таохуаянь, вырежем это название на ручке зубной щётки, и на коробочке с зубным ароматом тоже. Если получится, ещё бы вырезать пару цветущих персиков... ууу... — он говорил всё с большим воодушевлением, пока его рот не заткнули, оставив только размахивать руками и ногами.

А старая скрипучая кровать начала раскачиваться, издавая протяжные скрипы.

Для Сюн Чжуаньшаня Тан Шоу был слишком странным — в нём было слишком много необычного, настолько, что даже сжимая его в объятиях, он всё равно чувствовал: однажды этот человек исчезнет, растворится, и тогда ему придётся рыскать по небу и земле в бесплодных поисках.

Это напряжение, тревога и беспокойство, которым не находилось выхода, в конце концов могли быть выплеснуты только в одном направлении — в страстном желании, обрушивающемся на Тан Шоу. После этого Сюн Чжуаньшань стал ещё строже следить за ним, не отпуская ни на шаг.

К счастью, Ван Сюн был господином из уезда, а не деревенским, потому и распорядок дня у него был иным — вставал он не так рано, как крестьяне. Когда Тан Шоу поднялся, Ван Сюн как раз только проснулся.

И вечером, и утром он пользовался зубным порошком Тан Шоу — теперь ему казалось, будто из его рта и души доносится благоухание, способное наполнить ароматом две ли округи. Хотелось говорить со всеми, делиться, демонстрировать эту свежесть.

А вот у Тан Шоу не было настроения — болела спина, а ещё надо было готовить завтрак. Сначала он хотел обойтись чем попроще, на скорую руку, но потом передумал: всё-таки он рассчитывал, что Ван Сюн поможет привлечь новых клиентов. Ведь еда сама по себе обладает притягательной силой. Если бы Ван Сюн смог порекомендовать его угощения нескольким людям из столицы — это стало бы отличным подспорьем.

На плите он поставил вариться кашу из постной свинины и лущёной кукурузы: мясо было измельчено в мелкий фарш, подсолено и варилось вместе с кашей до мягкой, вязкой консистенции, наполняя кухню аппетитным ароматом.

В придачу он приготовил жареные баоцзы — с начинкой из свинины и зелёного лука. В отличие от паровых, эти готовились на сковороде, обжаренные на соевом масле, безо всякой пароварки.

Жарка продолжалась, пока дно баоцзы не стало румяно-золотистым и не зашипело — тогда можно было плеснуть немного воды и накрыть крышкой, чтобы всё дошло под паром. Как только вода полностью выпаривалась, блюдо считалось готовым.

Когда Тан Шоу приоткрыл крышку, аромат тут же наполнил весь дом. Ван Сюн, ожидавший внутри, уже давно не находил себе места от нетерпения и, не дождавшись, когда Тан Шоу сам подаст завтрак, поторопил А-Чэна — велел идти за едой. Если бы не ради этих кулинарных чудес, Ван Сюн ни за что бы не согласился провести ночь в такой бедной деревушке, промерзая до костей. Ночью А-Чэн несколько раз разводил огонь прямо на земляном полу, но всё без толку — всё равно дрожали от холода. Ван Сюн даже немного жалел, что остался. Но как только утром в нос ударил аромат пищи, сразу понял: все ночные мучения того стоили.

Один жареный баоцзы стоил два вэня, чашка каши — тоже два, а солёная редька и соус шли в подарок. Ван Сюн в один присест умял шесть баоцзы и чашку каши — так наелся, что начал икать.

Он уже думал, что съел немало, пока не увидел Сюн Чжуаньшаня в кухне, который без единой эмоции уплетал баоцзы — один за другим, словно считал, что так и должно быть. В придачу к ним — сразу две чашки каши. Ван Сюн застыл в немом изумлении.

- Господин Ван, вы что-то хотели? — спросил Тан Шоу, доев свою чашку каши и четыре баоцзы — для него этого было вполне достаточно.

- Эм... ну, это... — Ван Сюн, заморожённо глядя, как Сюн Чжуаньшань продолжает с поразительным спокойствием опустошать сковороду, наконец не выдержал и воскликнул: — Эй, мясник Сюн! Оставь хоть пару баоцзы...

Но Сюн Чжуаньшань, услышав, что кто-то посягает на его еду, и уж тем более приказывает ему, даже не взглянув, внезапно метнул в сторону взгляд, в котором вспыхнула угроза. Глаза его на мгновение стали хищными, как у зверя. Ван Сюн вздрогнул всем телом — и слова тут же застряли у него в горле.

Тан Шоу в одно мгновение метнулся вперёд и встал между Сюн Чжуаньшанем и Ван Сюном, на лице — сияющая улыбка, словно у самого Будды Майтрейи:

- Вы, наверное, хотите взять еды с собой в дорогу? Или перекусить по пути? Я вам сейчас всё упакую.

Разве он не понимал, что покупатель — это господин? Обидишь одного — потеряешь целый поток. А без потока клиентов на чём зарабатывать? А без денег — как прокормить такого медведя, как Сюн Чжуаньшань?

Он незаметно потянулся и изо всех сил ущипнул Сюн Чжуаньшаня в самое чувствительное место — в паховую область, где плоть мягче и больше всего. Увы, представления были прекрасными, а реальность — жестокой. У Сюн Чжуаньшаня и в помине не было мягкого мяса — Тан Шоу так и не смог ухватиться за хоть какую-то складку, в итоге всё выглядело так, будто он не пытается усмирить мужа, а наоборот — лапает его с явным намерением. Результат не заставил себя ждать: Сюн Чжуаньшань мгновенно завёлся, в теле вспыхнул огонь, и про баоцзы он уже не думал — теперь хотел только его.

В тот момент Тан Шоу искренне хотел отрубить себе руку — ну зачем, зачем она туда полезла!

Только когда свирепый взгляд Сюн Чжуаньшаня скрылся за его спиной, Ван Сюн наконец почувствовал, что может дышать спокойно. Собрался с мыслями — и, в конце концов, не устоял перед соблазном еды. Всё равно скоро он уезжает, что ему этот Сюн сделает?

Он сказал:

- Упакуйте мне десять жареных баоцзы, будьте добры.

Так как в доме не оказалось вощёной бумаги, Тан Шоу уложил всё в чашку. К счастью, Ван Сюн был при деньгах и не стал мелочиться из-за пары вэней за посуду. Тан Шоу про себя отметил, что позже непременно нужно будет купить упаковочную бумагу в городе — чтобы в будущем можно было красиво и удобно собирать еду на вынос для гостей.

Сюн Чжуаньшань так и не смог добиться желаемого — Тан Шоу не дался, потому что должен был заняться тортом, который заказал Ван Сюн. Молоко за ночь скисло и успело забродить — из него как раз получился сливочный крем, идеальный для выпечки. Самое время было приступить к приготовлению.

К полудню торт был готов, и Ван Сюн, не мешкая, отправился в путь. Чтобы сохранить свежесть торта, он мчался вперёд во весь опор, словно нес срочное донесение со скоростью «восемьсот ли в день». Сколько лошадей он сменил по дороге — и сам, наверное, не знал, но в конце концов добрался до столицы.

Сюн Чжуаньшань и Тан Шоу, проводив Ван Сюна, отправились в уездный город за благовониями. Теперь, имея в руках деньги, Тан Шоу восполнил все запасы приправ и соусов, которых так не хватало в доме, а заодно купил несколько чашек и тарелок.

По дороге назад они заглянули в лавку, где продавали сушёную морскую капусту — длинную полосу можно было купить всего за пять вэней. После замачивания из неё можно было приготовить не одно блюдо, и Тан Шоу сразу взял десять штук.

К вечеру, примерно после того как семья Сюн поужинала, Тан Шоу с Сюн Чжуаньшанем решили навестить их первыми.

Для Тан Шоу это был первый визит в дом родителей мужа, и то, что он увидел внутри, по-настоящему его потрясло. Он-то думал, что Сюн Чжуаньшань живёт бедно, но лишь оказавшись у его матери, понял, что значит настоящая нужда.

В семье Сюн не сказать чтобы было очень много человек, но и мало не назовёшь. Когда дети подрастали, сыновья и дочери должны были жить отдельно, но в доме не было достаточно места. Старый дом просто перегородили несколькими самодельными стенами и так превратили в две отдельные комнаты. По внешней стороне этих стен легко можно было различить участки свежей и старой земли — следы разных этапов строительства. Мебели почти не было — всего лишь пара старых тазов. Войдя внутрь, сразу оказываешься в спальне родителей Сюн — никакой отдельной комнаты для гостей, разумеется, не было. Самим-то членам семьи едва хватало пространства, где уж тут о гостеприимстве думать.

Чжан-апо в спешке смахнула с кровати медные монеты и спрятала их в шкатулку, затем с улыбкой усадила Тан Шоу и Сюн Чжуаньшаня на край постели.

- У-нян, что застыла как пень? Беги-ка быстро, завари для второго брата и его супруга по чашке медовой воды. Мёд в глиняном кувшине у плиты — не жалея, черпай с горкой, пусть будет сладко-сладко, — Чжан-апо светилась от радости: сколько времени прошло с тех пор, как

второй сын переступал порог её дома — даже думать об этом было больно.

Глядя на этот убогий дом, Тан Шоу и представить не мог, чтобы он пил у них мёд — ведь мёд был вещью недешёвой. Когда Чжан-апо училась у него печь сладости, она даже тогда жалела мёда, не добавляя ни лишней капли.

- Не нужно, пятая сестра. Мы с мужем только что выпили большую чашку подслащённой воды у себя дома. Пришли к старшему и третьему брату по делу, скажем — и сразу уйдём, нам ещё нужно заглянуть в другие дома по деревне, — сказал Тан Шоу, мягко отказываясь.

- Что же за дело такое срочное? — спросила Чжан-апо, но всё же махнула рукой пятой дочери, давая понять: иди, иди, принеси воду.

Сюн Чжу поднял брови:

- Эрлан-фулан, неужели ты опять придумал какую-то диковинку?

- Правда?! — воскликнула Чжан-апо с радостью в голосе.

Отец Сюн был не особенно знаком с Тан Шоу, только недавно ставшим их невесткой, потому и не знал, о чём с ним говорить, но всё же искренне радовался за них. Все дети — что ладонь, что тыльная сторона — одинаково дороги, за всех сердце болит.

Старший брат, Сюн Тэ, был человеком немногословным, не умел выражать мысли, но только улыбался до ушей — на лице у него застыло такое счастливое выражение, что никакими словами передать было нельзя.

Тан Шоу достал из сумки зубные щётки, сделанные Сюн Чжуаньшанем, и деревянные коробочки с зубным порошком, чтобы показать всем собравшимся.

- Невестка, — удивлённо сказал Сюн Чжу, — это ведь те самые щётки и благовония, что ты раньше просил нас с братом продавать? Неужели все те, что тогда были, ты продал?

В тот раз, когда Тан Шоу только сделал первую партию щёток и порошков, он просил Сюна Чжу отнести их на продажу, но цены были слишком высоки, а сам Сюн Чжу не имел связей среди знатных родов — в итоге не продал ни одной.

А раз теперь Тан Шоу снова принёс им эти вещи и показывает, то явно не для того, чтобы просить продавать — значит, они действительно разошлись, и теперь он хочет, чтобы семья помогала изготавливать.

Только подумав, что одна маленькая коробочка того самого зубного благовония стоит три-

четыре ляна серебра, Сюн Чжу охватила дрожь, сердце учащённо забилось.

Мать и отец Сюн не знали точной стоимости этих вещей, но, услышав, что всё продано, просто радовались вместе со всеми, искренне радуясь за семью.

- Да, всё до последнего продано, — Тан Шоу и не думал ничего скрывать. Впрочем, и смысла не было — рано или поздно, когда эти вещи попадут в столицу, они обязательно вызовут ажиотаж. А когда туда устремятся купцы, один за другим прибывая в деревню Синьхуа, скрыть это будет уже невозможно.

- Вот это да, невестка! А я ведь тогда ещё переживал — вдруг такое дорогое никто не купит, и останется всё мёртвым грузом... А ты вон как — всё продал подчистую! Я так и знал, невестка у нас всегда знает, что делает! — воскликнул Сюн Чжу с искренним восхищением.

- Просто удачно сложилось. И сказать по правде, это ещё и твоя заслуга, — сказал Тан Шоу.

Сюн Чжу удивлённо указал на себя:

- Моя? Но я ведь не знаю никаких знатных семейств, да и никого тебе не рекомендовал... За что же благодарность?

Тан Шоу улыбнулся:

- Помнишь ту семью Ван, которая купила у тебя торт? Из уездного города Юйлинь.

Сюн Чжу кивнул:

- Конечно помню. Это же семья из местных благородных, у них даже слуги и служанки ходят с таким видом, будто весь город им по пояс.

- Вот именно. Одна из служанок купила тогда у тебя торт, а молодая госпожа из семьи Ван пожалела его есть и отдала своей бабушке. Бабушке понравилось, она оставила кусочек и для главы семьи. Тот попробовал — и был в полном восторге. А тут как раз и подвернулся повод — скоро день рождения у старшей госпожи основного рода семьи Ван в столице. Он и решил, что это будет отличный подарок. Пришёл к нам сделать заказ, а увидев зубные щётки и зубной порошок, пришёл в такой восторг, что скупил всё, что у нас было, собирается увезти в столицу и дарить там.

Тан Шоу кратко изложил всю историю, не упоминая о своих мелких уловках — это было ни к чему.

- Невестка, ты и правда настоящий улитка-фулан! — выпалил Сюн Чжу с горячим

восхищением.

- Улитка-фулан? — Тан Шоу даже приподнял бровь. Что за странное название? Он слышал только про «тяньло-гунлян» — девушку-улитку из старой сказки, а вот чтобы «фулан»...

Сюн Чжу пояснил с жаром:

- Да, улитка-фулан! Это как будто супруг, сошедший с картины! Иначе как объяснить, что ты всё умеешь, да ещё и такие вещи, каких никто отродясь не видел? И каждый раз они продаются! Если ты не улитка-фулан, то кто тогда?

В деревне уже поговаривали об этом. Никто не знал, откуда взялся Тан Шоу, ремёсла у него — диковинные, незнакомые, будто из другого мира. Пока это были просто пересуды, лёгкое деревенское пересмеивание, но именно так всё и начиналось. Позже, когда Тан Шоу шаг за шагом начнёт менять деревню Синьхуа, его прозвище «улитка-фулан» укоренится окончательно. Причём не только в устах жителей деревни или уезда Юйлинь — даже в столице некоторые знатные семьи начнут за глаза верить, что он и впрямь не человек, а сказочное существо. В студенческих книжных лавках тайком начнут расходиться книжки с названиями вроде «История улитки-фулана» или «Улитка-фулан и учёный муж».

Сейчас всё это ещё только легкомысленные сплетни, болтовня ради забавы. Но эти слова больно ударили по Сюн Чжуаньшаню. Он жил рядом с Тан Шоу, знал его лучше всех, и как раз потому яснее прочих ощущал, какой он странный, почти нереальный.

Он вспомнил прошлую ночь, когда Тан Шоу вдруг словно померк, стал призрачным, как будто вот-вот растворится в воздухе и взмлет к небесам, как бессмертный, обретающий свободу... И в сердце закралось тревожное, дико абсурдное чувство: а что, если его фулан и вправду улитка-фулан? А если однажды он снова вернётся туда, откуда пришёл — обратно в свою картину, в свой мир?

Сюн Чжуаньшань не верил ни в духов, ни в богов. Но отпустить Тан Шоу он не мог. Пусть даже шанс один на десять тысяч, пусть даже он и правда не человек, а дух с холста — всё равно он не позволит ему уйти. Его фулан, человек он или призрак, будет принадлежать ему всю жизнь. И никогда никуда не денется.

Сюн Чжуаньшань внезапно, безо всякого предупреждения, резко протянул руку и с силой вцепился в руку Тан Шоу, рванув его к себе, прижав прямо к груди.

Тан Шоу уже привык — Сюн Чжуаньшань всегда был таким: переменчивым, порывистым, вечно срывающимся в крайности. Но вот для семьи Сюн это стало шоком — они испугались, глядя на столь резкую вспышку. Им показалось, что у Сюн Чжуаньшаня начался приступ, и он вот-вот ударит.

Два брата вскочили одновременно, поспешив вырвать Тан Шоу из его объятий.

- Второй брат, отпусти же невестку! Он ведь такой щупленький, не выдержит твоего удара! — воскликнул Сюн Чжу.

Даже молчаливый Сюн Тэ вмешался, пытаясь оттащить:

- Эрлан, с чего ты вдруг взбесился? Скажи нормально, что случилось!

Мать и отец Сюн онемели. Да, они всегда знали, что у их второго сына буйный, резкий нрав, что он вспыльчив и нестабилен. Но ведь он никогда не поднимал руку на своих. Раньше они не придавали этому значения. Только теперь, увидев, как яростно он вцепился в собственного фулана с лицом, будто сошёл с поля боя, они впервые по-настоящему поняли: их сын действительно изменился — десять лет жестоких и кровавых сражений исказили его до неузнаваемости.

Таким и был Сюн Чжуаньшань — грубый, неистовый, вспыльчивый. Особенно когда речь шла о Тан Шоу. Тан Шоу — его предел, его запретная черта. Всё, что касалось его, Сюн Чжуаньшань воспринимал болезненно и беспощадно, теряя всякое самообладание.

- Убирайтесь!» — прогремел Сюн Чжуаньшань, его голос прозвучал как рев медведя. Одним движением руки он отбросил Сюн Тэ, который вовсе не был слабым. Затем развернулся, замахнувшись на Сюн Чжу, но Тан Шоу успел первым — толкнул его, не давая ударить.

Увидев, что братья собираются снова броситься к ним, Тан Шоу поспешно остановил их:

- Я в порядке! Он ничего мне не сделает. Чем сильнее вы его сдерживаете, тем больше он выходит из себя.

- Но...

- Я сказал, что всё хорошо. Он не причинит мне вреда, — не успел он договорить, как Сюн Чжуаньшань подхватил его на плечо и, не оборачиваясь, широкими шагами вышел из дома.

Едва за ними закрылась дверь, как Чжан-апо прорвало — она не сдержалась и расплакалась навзрыд.

- Всё моя вина... эрлан стал таким — это всё из-за меня. Если бы тогда... Если бы тогда всё было по-другому... Он бы не стал таким!

Отец Сюн, охваченный горечью, вцепился себе в волосы и начал с силой бить кулаками по голове. Сюн Тэ поспешил обнять его, удерживая от самобичевания, но лицо у него и самого было горьким, как полынь.

- Мать, отец... Это не вы виноваты. Вся вина на мне. Если бы не я, эрлану бы не пришлось идти в армию. Тогда он был ещё ребёнком — ему было всего четырнадцать! Он наверняка умирал от ужаса на том поле боя. Он стал таким из-за меня... Я никогда этого себе не прощу.

По пути они столкнулись с несколькими деревенскими жителями — те с улыбками подошли поздороваться, но стоило Сюн Чжуаньшаню поднять голову и взглянуть на них своими налитыми кровью глазами, как каждый из них, будто хвост поджал, в ужасе разбежался по домам, будто за ними гнался сам голодный тигр.

А вот Тан Шоу, наоборот, не придавал этому большого значения. Такое поведение, граничащее с потерей рассудка, он видел у Сюн Чжуаньшаня уже не раз. Первое время сам боялся до одури, чуть ли не мочился от страха. Но жизнь показала, что Сюн Чжуаньшань действительно не причинит ему смертельного вреда — максимум, измотает до смерти в другом смысле... Постепенно привык, и теперь ничего страшного в этом не видел.

На следующее утро, опасаясь, что Сюн Чжуаньшань и правда мог причинить вред Тан Шоу, братья Сюн Тэ и Сюн Чжу — даже не пошли торговать пирогами. Вместо этого оба с раннего утра слонялись у дома, не решаясь постучать, лишь ходили кругами, как беспокойные петухи.

- Что это вы сегодня не на рынке? — удивлённо спрашивали прохожие деревенские.

Сюн Тэ и Сюн Чжу тут же отвечали с натянутыми улыбками:

- Мама велела нам сегодня отдохнуть. Сказала, что мы уж больно устали — нужно побережся.

Ни слова — ни о вчерашней вспышке ярости, ни об их страхе за Тан Шоу.

Деревенские только цокали языками, и в их взглядах смешивались зависть и недовольство:

- Ай, вот это да... Вот что значит — пошли деньги. Сразу стали жить по-другому. Зарабатывают — и уже устали. Отдыхают, видишь ли.

И тут же мысленно примеряли на себя: вот бы и нам так — чтоб, как только устанешь, сразу можно было отдохнуть, не думая, что завтра есть.

А Сюн Чжуаньшань, как всегда, не привык валяться в постели — поднялся рано, чтобы покормить домашний скот.

Услышав внутри какие-то движения, Сюн Тэ и Сюн Чжу наконец осмелились постучать. Будто боясь потревожить соседей, Сюн Чжу тихо позвал:

- Второй брат... ты проснулся?

Дверь открыл сам Сюн Чжуаньшань. Лица у обоих братьев были напряжённые, взгляд беспокойно метался, то и дело заглядывая внутрь, вглубь дома.

- Брат... а невестка ещё не встал? — Сюн Чжу не осмелился задать вопрос прямо — вдруг тот в самом деле сделал с Тан Шоу что-то ужасное, и теперь тот лежит по частям? Потому и спрашивал обходными путями.

Сюн Чжуаньшань уже пришёл в себя, но ни малейшего желания вести беседы у него не было. Кроме Тан Шоу, он вообще не любил с кем-либо разговаривать — терпения на это у него не хватало.

Он молча вышел с готовыми щётками и коробочками для зубного аромата, сунул их в руки братьев и коротко бросил:

- Если хотите — делайте. За одну щётку — три вэня, за коробочку — два. Конский волос вам недоступен, но у меня есть — дам.

- Так вот зачем невестка нас вчера звал? — с сомнением переспросил Сюн Чжу.

- Угу, — отрезал Сюн Чжуаньшань. Две фразы — и он уже начал раздражаться. — Кто в деревне ещё захочет делать — пусть к полудню подходит, дам образцы.

Бах! — дверь захлопнулась. Ему не хотелось слушать лишнее. Дел во дворе полно, а эти двое стоят и мнутя — что тут тянуть, если вы мужики, то берите и делайте, как положено!

Жизнь деревенская тяжёлая, работы не счесть. Но Тан Шоу, по правде говоря, не чувствовал себя несчастным. Быт не изменить — в доме холодно, особенно зимой, да, продирает до костей. Но кроме этого — ничего не было такого страшного. Всё, что можно было взять на себя, Сюн Чжуаньшань взял без остатка. Ни одного дела не переложил на него.

Он и готовить не отказывался, просто всё, что выходило из-под его рук, в глазах Тан Шоу было чистым расточительством, извращением над продуктами. Всё остальное у него получалось хорошо, но готовить... увы, не его дар. Иногда даже собака воротила нос от таких блюд, а он сам ел с удовольствием, будто это — лакомство. Он и так старался изо всех сил, но не знал, чем ещё мог удержать этого человека, что так внезапно ворвался в его жизнь и, возможно, так же внезапно однажды уйдёт.

Сюн Чжуаньшань закончил утренние дела по хозяйству и вернулся в дом. Остановился на пороге, постоял немного, давая телу нагреться после мороза, прежде чем приблизиться к постели. Его шершавые, загрубевшие руки пару раз вытерлись о ткань одежды, и только потом он осторожно протянул одну из них к лицу спящего фулана. Хотя между ними уже происходили куда более близкие вещи, сейчас, глядя на его лицо, Сюн Чжуаньшань колебался — его большая ладонь несколько раз сжалась в воздухе, но так и не коснулась щеки.

Ресницы спящего на кровати человека слегка дрогнули — и Сюн Чжуаньшань тут же, словно обжѣгшись, отдёрнул руку.

Тан Шоу проснулся, пару раз моргнул, и только тогда вспомнил, откуда взялась ломота во всѣм теле.

До смерти бесит, — подумал он. Вчера этот грубиян словно с цепи сорвался, чего вдруг на него снова нашло? Тан Шоу хотел было протянуть когтистую лапку и ущипнуть его, но стоило пошевелиться — под одеяло тут же хлынул поток холодного воздуха, и он, дрожа, поспешно снова залез под него, свернувшись клубком.

- Раньше я не выносил деревенских канов, а теперь думаю: вот бы у нас дома такой был... В такую стужу спать на нем наверняка было бы тепло.

- Кан? — переспросил Сюн Чжуаньшань, догадываясь, что речь идёт о чём-то из глины, но что именно — представить не мог.

- Это такая лежанка, сложенная из глиняных кирпичей. Когда в ней разводят огонь, вся поверхность прогревается, и в такую холодищу сидеть на ней — одно удовольствие, — пояснил Тан Шоу.

Сюн Чжуаньшань сказал:

- Сейчас земля промёрзла, как камень, не выкопаешь ничего. Подождѣм до весны, когда всё оттаёт — тогда я тебе её и сложу.

Но Тан Шоу покачал головой:

- Весной уже и не надо будет. Весной лучше дом перестроить. Стены и пол сделать заново — из огнеупорного кирпича, чтобы и хуацян — стены с обогревом — были, и дичжи — тёплый пол. Вот это действительно хорошее дело. Зимой затопишь — и весь дом тёплый, не только одна лежанка. Особенно дичжи — это просто сказка. Ходишь босиком, а пол под ногами тёплый, прямо греет стопы — такое ощущение, будто всё тело греется изнутри. Очень, очень уютно.

- А не то что кан — греет только одно место, сама не топит дом. На нем сидишь, хоть до жара раскаляй — а ноги всё равно зябнут, обязательно что-нибудь подстилать надо. А к ночи, как растопишь посильнее — так и не уснёшь, крутишься, потеешь. А если не дотопить — будет холодно. В общем, толку от него немного, но, конечно, лучше, чем ничего. Даже в самую лютую стужу с ним не замёрзнешь. А бедные, кто дров жалеет, — те как раз и пользуются канами. Им хорошо — немного дров подкинешь, и всё.

- Ничего, не страшно. Мы сделаем и огненные стены, и тёплый пол, — сказал Сюн Чжуаньшань уверенно. — А дрова... это на меня положиись. Сколько надо — столько и нарублю.

В этом Тан Шоу ничуть не сомневался. У Сюн Чжуаньшаня сил было хоть отбавляй, и для тяжёлой работы он был просто идеальным человеком — в сто раз надёжнее любого другого.

Он медленно выбрался из постели, только успели пообедать, как у ворот показалась целая группа деревенских жителей. Поодиночке никто идти не решался — в прошлый раз, когда кто-то отважился сам прийти за товаром к Сюн Чжуаньшаню, это было настоящим испытанием для нервов.

- Сюн-фулан, — окликнули с порога, — мы слышали от Сюн Тэ и Сюн Чжу, что вы в доме принимаете щётки и маленькие коробочки?

Братья Сюн уже успели разнести весть по деревне. Сколько именно стоят зубные щётки и аромат, они не говорили, только упомянули, что Тан Шоу теперь закупает у односельчан. И вот — всё село уже в курсе.

- Да, верно, — кивнул Тан Шоу. — За одну щётку — три вэня, за одну коробочку — два. Но для коробочек есть требование: они должны быть точно такого размера, как мои. Ни больше, ни меньше — иначе не подойдёт.

Один из мужиков засмеялся:

- Да уж, ты не волнуйся. Это не проблема. Был бы у нас образец — мы сумеем вымерить и сделать в точности такой же размер.

- Вот и отлично, — кивнул Тан Шоу.

- А сколько тебе нужно? Ты сколько сделаем — столько и возьмёшь? — с надеждой уточнил один из пришедших.

Тан Шоу ответил:

- Пока что — да. Всё, что сделаете, возьму. Но если вдруг в какой-то момент мне станет не нужно, я заранее скажу, предупрежу за несколько дней. Только вы не волнуйтесь — вещь это нужная, буду использовать её постоянно. Даже если какое-то время соберётся про запас, всё равно потом снова пригодится. Так что дело — надолго.

- Вот это удача! Значит, будет постоянная работа! — обрадовались деревенские. Один из них — пожилой мужчина с морщинистым лицом и кривыми пальцами, но ясным взглядом, шагнул вперёд.

- Сюн-фулан, а меня возьмёшь? Не смотри, что я старый, руки-то у меня ещё ловкие. Справлюсь с этой работой без проблем.

Это был Чэнь Юаньбао, жил в западной части деревни Синьхуа, ему уже исполнилось пятьдесят шесть. В эпоху Юй, где скудные земли, слабое сельское хозяйство и нехватка врачей, дожить до шестидесяти — большая удача, а пятьдесят шесть — уже солидный возраст. Здесь такие старики казались почти как семидесятилетние в будущем — согнутые временем, с лицами, исписанными следами жизни.

Тан Шоу ответил:

- Можно. Я беру на работу не по возрасту, а по делу. Если изделие, которое вы сделаете, будет не хуже того, что делает мой Сюн Чжуаньшань — приму. Но скажу сразу: если будет плохо, небрежно, грубо — не обижайся, не возьму. Мы всё-таки вещь хорошую

<http://bllate.org/book/13592/1205354>